

На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

СХVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки;
И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каюды, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ съ чаемъ пить иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе ключами.

СХIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валить народъ ученый
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумять... Профессоръ
длинный
Напрасно входить, кланяется чинно,—
Онъ книгу взявъ, раскрылъ, прочелъ,—шу-
Уходитъ,—второе хуже. Сущій адъ!.. [мать;
По сердцу Самъ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рай.

СХХ.

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣхъ—
Не заключенъ и не сѣна впередъ, [ныхъ
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
Я снова обращаю вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Самей...

СХХI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привести въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Расстрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

СХХII.

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она смѣлила лицо водой смеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный..

Опять свѣжа, какъ переискъ молодой,
И, на плечи капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безпечной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою.

СХХIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На соннаго студеную влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій свѣтъ на улицѣ хруститъ,
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ, что мнѣ всегда досадно,
Колокола трезвонятъ безпощадно..

СХХIV.

Прелестный день! Какъ пышетъ Божій
Какъ небеса лазурны!.. Торопливо [свѣтъ!
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ!
Атласный галстукъ повязалъ лѣнливо,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладила
слѣды;

Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его.. Но, между нами,
Сказать тихонько: это—не порокъ.
У нашихъ дамъ найти бы его я могъ,
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невинный нѣту подъ луною.

СХХV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой
И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, открыта
Хранитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо,
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

СХХVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далъ.
Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтятъ ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣнемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глушцовъ крикливый судъ,
Коварный шепотъ злой старухи, или [рилы!
Два—три намека въ польскомъ иль въ кадъ-
СХХVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ.
Небрежно у нея цѣлуетъ руку
„Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я бы не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали миллионъ.
Какъ ваши зубы?.. А Фиделька гдѣ же?